

"КРОЙ, ВАСЯ, БОГА НЕТ!"

Статья предоставлена автором.

Ивана Ивановича Катаева, родившегося в 1902 году в Москве и в немалой степени питавшего ее образами свое вдохновение, едва ли следует причислять к сугубо московским писателям. Было бы и не к лицу творцу, возвращенному революционной стихией, замыкаться в определенных, хотя бы даже столичных, границах: раз уж раздуваем мировой пожар, масштабу мысли и воображения подобает быть не иначе как вселенским. Между тем нельзя, наверное, не отнести к лучшим в его творчестве страницам те, на которых Катаев увлеченно живописует тот или иной московский пейзаж, для нас уже, как правило, отошедший в прошлое. В повести "Ленинградское шоссе" он предпринимает даже попытку создать некий "абсолютный" образ столицы, нагнетая странный словесный сумбур, в котором не всегда внятно для современного слуха мелькают и императоры, и "Яр", и храм Василия Блаженного, и Уточкин с Ханжонковым. Катаев очень беспокоен, он постоянно жаждет-требует перемен, но беспокойна, известное дело, и Москва, готовая меняться даже тогда, когда этого никто не ждет. В рассказе "Жена" (1927) писатель удобно для себя сливает эти два беспокойства в одно, достигая какого-то как бы интимного сотрудничества с городом в процессе неугомонного переустройства:

"В пустые и сожженные июльские вечера познается особая затаенная предуготовленность этого юго-западного угла Москвы, отграниченного Крымским мостом. Тут можно ощутить всю переутомленную молодость города, заново рожденного, старающегося накопить и безоглядно растрачивающего соки.

Правый берег - витиеватое убожество выставки с выцветавшей, как юность, как память азиатских скитаний, голубизной туркестанского павильона...

... Левый берег - скучные насыпи, сточные каналы, захарканые лачуги и неуверенный, качающийся бег двадцать четвертого номера по новым рельсам, проложенным на собачьих костях, бутылочных горлышках и строительном щебне...

... Июльская пыльная застарелая скука владевает над обоими берегами, над всем этим окраинным миром".

"Предуготовленный" угол нынче далеко не окраина. Быстрота и грандиозность перемен в данном случае удивляет. Катаев дает нам почувствовать не только старину Москвы, но и неотвратимость ее преобразования. Нас может раздражать его пафос человека, уверенного, что он живет в необыкновенное и небывалое, великое время, но трудно не признать, сравнивая запечатленное им прошлое с нынешней реальностью всех этих бывших окраин, что пафос имел под собой известные основания.

Критики нередко упрекали Катаева за восторженную лихорадочность его стиля, находя ее искусственной. Но не все так просто. При всем том, что писатель и сам был охвачен энтузиазмом строительства нового мира, а следовательно, не мог быть его трезвым исследователем, дело вовсе не обходилось без внутреннего, не всегда зависящего от умственных выкладок, скорее стихийного, чем сознательного анализа. Эту работу вполне можно проследить по его произведениям, если разложить их в хронологическом порядке. Но творческая жизнь Ивана Катаева была короткой: в 1919 году, находясь в качестве работника политотдела 8-й армии (красной) в Грозном, он напечатал свои юношеские стихи в газете "Красный путь", в 1928-м вышла в свет его первая книга "Сердце", в 1936-м - "Отечество" - последнее прижизненное издание. В 1939 году Катаева расстреляли. Свести воедино все свои разрозненные наблюдения над эпохой, зрело проанализировать ее противоречия, сложиться в литературного мудреца он не успел.

Пафосом Катаев "заболел" на фронтах гражданской. Герой упоминавшегося выше рассказа "Жена", Стригунов, между боями и митингами той войны подкармливался блинами у крестьянской девицы, на которой тогда же и женился. Впоследствии видим его наспех получившим образование и на некоторых партийно-номенклатурных высотах агитирующим за великое коммунистическое дело, и все было бы хорошо, когда б жена не осталась прежней простушкой. Это - мука партийца, новоявленной элитной персоны. Семейная жизнь приобретает трагикомический характер, едва ли кстати украсившись чадом по имени Либкнехт. Юношеские подвиги тех, военных лет "зрелый" Стригунов определяет следующим образом: "измитинговался". А глядишь, помучается еще с опостылевшей женой, так и -